

Действующий УПК тормозит развитие судебной-правовой реформы

Радченко В. И. *

Ключевые слова: уголовный процесс, народные заседатели, гласность судопроизводства, общественный контроль над правосудием, теневое государство и теневая юстиция, институт сделки по УПК РФ, прокурорский надзор.

Аннотация.

Цель статьи: выявить негативные последствия ряда положений действующего уголовно-процессуального закона.

Метод исследования: компаративный анализ.

Научный результат: УПК РФ 2001 года содержит ряд положений, которые отрицательно сказались на состоянии правосудия в России. В статье исследованы три из них: упразднение суда народных заседателей; введение сокращенного судопроизводства; фактический отказ от прокурорского надзора за предварительным следствием. Два первых заимствованы из англо-саксонской правовой системы и означают отказ от сложившейся системы широкого участия народа в отправлении российского правосудия, а также отход от принципа поиска истины в уголовном процессе. Анализ последствий исследуемых решений приводит к выводу, что для успешного достижения целей судебной-правовой реформы необходим отказ от неудачных новшеств и возвращение к традиционным для российской правовой системы институтам.

DOI: 10.21681/2226-0692-2020-1-27-31

УПК РФ был принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г., спустя шесть с половиной лет после принятия УК РФ. Такой разрыв по времени объясняется тем, что практика не имела такой острой потребности в новом процессуальном законе, как в материальном уголовном законодательстве. УПК РСФСР после внесения в него многочисленных поправок, связанных с появлением суда присяжных, расширением прав защиты и другими дополнениями, обусловленными реализацией требований Конституции РФ, более или менее успешно регулировал судебную-следственную практику.

Разработка в Государственной Думе (ГД) проекта нового УПК прошла два этапа, на каждом разными рабочими группами были подготовлены проекты кодекса разной направленности. Первая группа (руководитель группы — Киселев В.В., депутат от ЛДПР, заместитель председателя комитета по законодательству и судебной-правовой реформе) ориентировалась на сохранение основного содержания советского УПК; подготовленный ею проект кодекса был принят ГД РФ¹ в первом чтении.

Принятый в первом чтении проект вызвал вал критики. Часть юристов, ориентированных на западные стандарты судопроизводства (Морщакова Т.Г., Пашин С.А., Костанов Ю.А., Вицин С.Е., Похмелкин В.В. и др.), утверждали, что его содержание противоречит целям и задачам судебной-правовой реформы и приведет к

массовым нарушениям прав человека. Звучала критика и с противоположного фланга. Так, доктор юридических наук, профессор Академии МВД РФ Ефимичев С.П. считал, что окончательное принятие предложенного проекта УПК ослабит борьбу с преступностью, затруднит работу прокурорско-следственных органов и не обеспечит защиту прав потерпевших². Схожих позиций придерживались в Генпрокуратуре и некоторых силовых ведомствах.

В такой обстановке рабочая группа Киселева не смогла подготовить проект ко второму чтению, и после выборов в ГД 1999 года группу возглавила депутат ГД Мизулина Е.Б., а 22 ноября 2001 проект УПК РФ в окончательной редакции был принят Государственной Думой. Характеризуя принятый документ, руководитель рабочей группы утверждала, что принципиальное его отличие от УПК РСФСР состоит в отказе от подхода к уголовно-процессуальной процедуре как средству борьбы с преступностью, которое могут использовать силовые ведомства для решения своих задач, переход на понимание уголовного судопроизводства как способа защиты прав граждан³.

Вероятно, уважаемый депутат верила в то, что говорила. Но в дальнейшем судебная-следственная практика не подтвердила этих громких заявлений. На самом же деле получилось вот что: с принятием УПК РФ **началось**

¹ Сайт ГД РФ. Архив ГД. Постановление ГД ФС РФ от 06.06.1997 №1498—II ГД «О проекте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² URL: <https://WWW.lawmix.ru/comm/8194>.

³ URL: <https://www.newsru.com/Russia/20jun2001/upk.html>.

* Радченко Владимир Иванович, кандидат юридических наук, доцент, Первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (в отставке), Заслуженный юрист РСФСР, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: radchenko41@yandex.ru

сползание нашего правосудия к стандартам англо-саксонской правовой системы. Речь, прежде всего, идет о двух новеллах, болезненно сказавшихся на состоянии отечественного правосудия: упразднение суда народных заседателей и особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК). Третьим неудачным решением законодателя стала минимизация влияния прокуратуры на ход предварительного следствия.

С народными заседателями сложилась парадоксальная ситуация. Поскольку принятый в первом чтении проект группы Киселева предусматривал сохранение института судей из народа, 17 ноября 1999 Госдума приняла федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», который действует и в настоящее время. В то же время и ГПК РФ, и УПК РФ не предусмотрели участия народных заседателей в рассмотрении судебных дел, таким образом, этот институт умер. Объясняя это решение, Елена Мизулина заявила, что новый УПК «предусматривает обязательное участие государственного обвинителя и защитника. Именно поэтому мы можем позволить себе отказаться от института народных заседателей. Он неэффективен, неоправдан, а затраты на него более миллиарда в год»⁴. С этими утверждениями трудно согласиться. Непонятно, почему наличие гособвинителя и защитника должно влиять на состав суда. Что касается экономии средств, то вышеупомянутая сумма многократно превышена, реальные выплаты заседателям составляли менее процента от общих ассигнований на деятельность правосудия и большого значения не имели.

Что касается неэффективности суда народных заседателей, а равно бытовавших в то время высказываний о его несовместимости с судом присяжных, то опыт успешного совместного функционирования этих форм участия народа в отправлении правосудия в России, а также за рубежом — например, в Австрии [1,2] — опровергает эти высказывания. Следует отметить, что в Европе в уголовном судопроизводстве успешно действуют модели, подобные нашему суду народных заседателей: в Германии — суд из двух государственных судей и трех шеффенов, в Италии и Франции — суды ассизов, в которых вопрос о виновности подсудимого решается совместной коллегией ассизов и профессиональных судей. Что касается неэффективности института народных заседателей, то об этом рассуждали в основном юристы, которые не работали в районном звене судьями и не решали в совещательной комнате с судьями из народа судьбу подсудимого. На личном опыте могу засвидетельствовать — при решении вопроса о назначении меры наказания заседатели не всегда соглашались с моими предложениями о его размере, и после дискуссии нередко принималось компромиссное решение, обычно более мягкое, чем я предлагал изначально. В некоторых судах разногласия заканчивались тем, что выносился приговор согласно решению народных заседателей, а председательствующий судья приобщал к приговору

свое особое мнение о чрезмерной мягкости назначенного наказания.

Одной из заявленных авторами задач нового закона было преодоление в судах обвинительного уклона. Как констатировали участники парламентских слушаний, проведенных комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству, посвященных 15-летию юбилею УПК РФ, от обвинительного уклона нашим судам избавиться не удалось⁵. Если в 2002 г. доля оправдательных приговоров составляла 1% от числа осужденных, то к 2014 г. она снизилась до 0,54%, в 2015 г. — до 0,43%, в 2016 г. — до 0,36%. Свой вклад в эту негативную статистику внесло и упразднение суда народных заседателей.

Статья 32 Конституции Российской Федерации гарантирует право граждан на участие в отправлении правосудия. В связи исчезновением института народных заседателей реализация этого права оказалась под вопросом. Суды с участием присяжных не смогли их заменить в плане массовости, тем более, что в 2008—2013 годах произошло резкое сокращение юрисдикции судов присяжных: если с принятием нового УПК им были подсудны более 50 составов преступлений, то к 2014 году в их компетенции осталось около 20 составов преступлений, а всего за 2013 год (по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ) было рассмотрено с участием присяжных и находилось в остатке на 31.12.2014 г. 492 дела, или на 41% меньше, чем в предыдущем году. Введение суда присяжных в районных судах в 2017 году, которым стали подсудны 8 составов преступлений, принципиально ситуацию не изменило. В 2019 году сопоставимая цифра по судам областного звена составила 233 дела; кроме того, в связи с введением суда присяжных в районном звене этими судами в районных судах было рассмотрено 474 уголовных дела. Если учесть, что судами России в 2019 г. окончено почти 750 тыс. уголовных дел, можно констатировать, что с практикой реализации права граждан на участие в отправлении правосудия возникли большие проблемы.

С ликвидацией института народных заседателей завершился процесс демонтажа советской системы информирования населения о деятельности органов правосудия. Три других важных элемента: всенародные выборы судей, отчеты судей перед населением (обычно в трудовых коллективах), а также широко распространенная практика проведения выездных судебных заседаний по месту работы или жительства подсудимого — канули в прошлое. Народные заседатели выполняли функцию своеобразного народного контроля за судебной деятельностью и в то же время были важным средством обеспечения ее прозрачности (транспарентности). Избранные в трудовых коллективах народные заседатели, отработав в судах (обычно по две недели), несли в народ информацию о работе судов, что способствовало росту доверия к органам правосудия. Таким образом, с принятием нового УПК РФ судейский корпус превратился в замкнутую корпорацию, малодоступную для общественного контроля.

⁵ Елена Мизулина готова взяться за реформу уголовного процесса. «Ведомости», 21.12. 2016 г.

⁴ URL: <https://polit.ru/article/2001/06/15/473642/>.

11 февраля 2020 г. на совещании судей Российской Федерации Председатель Верховного Суда РФ Лебедев В.М. предложил расширить подсудность суда присяжных в районных судах, включив в их компетенцию дела с санкцией свыше 10 лет лишения свободы, а также преступления в сфере экономической деятельности⁶. Это предложение можно приветствовать, но, к сожалению, его реализация не решает проблем, упомянутых выше.

Но, возможно, самое негативное явление, связанное с ликвидацией института судей из народа — это устранение препятствия в их лице на пути формирования «теневой юстиции». В связи с изменением в 90-х годах прошлого века экономического базиса России и появлением мощного частнопредпринимательского сектора произошло интенсивное развитие теневой экономики. Как следствие, активизировалось становление и развитие теневых структур в государственной власти. В юридической литературе признаки теневого государства характеризуются следующим образом. Оно «имеет специфическую цель, которая заключается во влиянии на политические и государственные решения в интересах теневигов. Теневое государство имеет *собственные средства (элементы)* для достижения теневых целей. Это прежде всего, теневая экономика, теневая политика, теневое право, теневая юстиция, теневой бюджет.... И, самое главное, сущность теневого государства состоит в разрушении и подмене официального государства» [3, 4, 5].

О глубине проникновения теневых элементов в государственные структуры свидетельствуют уголовные дела в отношении Министра экономического развития РФ Улюкаева, зам. начальника Генштаба ВС РФ Арсланова, губернаторов Хорошавина (Сахалинская область), Гайзера (Республика Коми), Белых (Кировская область), ответственных работников МВД РФ, прокуратуры, следственного комитета и др. Очевидно, что при таком положении дел крайне важно выработать механизмы, препятствующие превращению системы правосудия в фактор формирования теневой юстиции. И народные заседатели, которые принимали участие в качестве полноправных судей в рассмотрении всех уголовных дел, могли бы стать одним из элементов, противодействующих этому негативному процессу. В этом свете они не могут быть заменены присяжными заседателями, поскольку шеффен (народный заседатель) — это полноправный судья в уголовном процессе, которому открыта вся «кухня» рассмотрения уголовного дела, а присяжный — гость, участвующий в суде по принципу «отобрали, послушал, проголосовал, убежал»; его знакомство с правосудием весьма поверхностно.

Глава 40 УПК «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» привела к существенному искажению содержания российского правосудия. Первоначально она распространялась на преступления с санкцией до 5 лет лишения свободы, но уже в 2003 году её действие законодатель распространил на дела с санкцией до 10

лет лишения свободы. Несомненно, что особый порядок был введен в наш уголовный процесс под влиянием принятого в англо-американской системе «соглашения о признании вины», однако русский вариант существенно отличается от американской сделки. Представители нашей науки подчеркивают, что в отличие от особого порядка, соглашение о признании вины является настоящей сделкой, при которой обвинитель отказывается от части обвинения, а обвиняемый соглашается с его менее тяжелой частью [6]. По мнению Т.К. Рябининой, эти институты преследуют разные цели: российский — упрощение процедуры при условии согласия обвиняемого с *предъявленным обвинением в полном объеме*; американский — признание вины имеет целью *уменьшение объема обвинения* [7].

Следователи и судьи с энтузиазмом освоили «особый порядок», в котором стало рассматриваться 70% уголовных дел⁷. Еще бы: теперь главной задачей следователя становилось склонение обвиняемого к ходатайству о рассмотрении дела в особом порядке [8]. Как отмечал адвокат Спиридонов М.В., «на практике сложилась ситуация, что особый порядок нужен, прежде всего, стороне обвинения, так как даже самое шаткое дело, в котором отсутствует качественная доказательная база, благодаря данному порядку может легко перерасти в обвинительный приговор»⁸.

Негативные последствия глав 40 и 40.1 УПК РФ для развития следствия отмечалось и на высоком государственном уровне. Генеральный прокурор РФ Чайка заявил, что особый порядок, в котором в 2010-х годах рассматривается до 70% уголовных дел, приводит к деградации следователя, так как в этом случае исключена состязательность⁹. Ранее на расширенной коллегии Генпрокуратуры Президент Российской Федерации Путин, обратив внимание на низкий профессиональный уровень следователей, сказав, что «следователи и дознаватели по делам, рассматриваемым в особом порядке, как известно, упрощают свою работу до предела»¹⁰.

Но самый большой ущерб введение особого порядка нанесло правосудию. В нашей правовой системе, начиная с Судебной реформы 1864 года, сложилась традиция тщательного судебного разбирательства на основе полного исследования в судебном заседании всех имеющихся доказательств, независимо от того — признает ли подсудимый вину или нет. В особом порядке, наоборот, суд обосновывает приговор только признанием подсудимого, неизвестно как полученным. Судебной практике известны случаи самооговора по различным причинам, которые выявлялись при полном исследовании в суде материалов дела. При особом порядке такая возможность отсутствует.

Учитывая широкую распространенность особого порядка (70% от числа рассмотренных судами уголов-

⁷ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

⁸ URL: <http://адвокат-спиридонов.рф/особый-порядок-рассмотрения-дела>.

⁹ «Чайка заявил о деградации в России следственных органов». Interfax.ru, 21 февраля 2018 г.

¹⁰ «Путин в Генпрокуратуре слушали в гробовой тишине: чем недоволен Президент». «Московский комсомолец», 16 февраля 2018 г.

⁶ 11 февраля 2020 года состоялось традиционное ежегодное совещание судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации. Журнал «Судья», 16/02/2020. URL: <http://zhurnalsudya.ru>.

ных дел), существует опасность, что вырастет поколение судей, утративших навыки исследования доказательств по уголовным делам.

С принятием главы 40 УПК РФ в нашем уголовном процессе оказался реализованным постулат римского права «признание — царица доказательств» (лат. “confessio regina probationum est”) — так в римском праве называлось признание вины, которое делает излишним все иные доказательства, улики и иные следственные действия¹¹. Одно время авторство этого тезиса приписывали А.Я. Вышинскому без ссылок на конкретные публикации: якобы он выдвинул его для оправдания политических репрессий. Но вот цитата из его работы «Теория доказательств в советском праве»: «...обвиняемый в уголовном процессе не должен рассматриваться как единственный и самый достоверный источник этой истины. Нельзя поэтому признать правильной такую организацию следствия, при которой показания обвиняемого признаются главными и — еще хуже — единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них. Несомненно, следствие может только выиграть, если ему удастся свести объяснение обвиняемого на уровень обычного, рядового доказательства, устранение которого из дела неспособно оказать сколько-нибудь решающего влияния на положение и устойчивость основных установленных следствием фактов и обстоятельств. Это положение, как нам кажется, является одним из важнейших методологических правил, строгое применение которого чрезвычайно облегчает задачи следствия» [9]. Как видно, никакого исключительного значения признанию обвиняемого в системе доказательств Вышинский не придавал.

Нормы главы 40 УПК РФ закрепляют за признанием подсудимого роль единственного доказательства, на котором строится приговор, но которое является нерушимым и в судах следующих инстанций. **Чем не «царица доказательств»?**

Следующий шаг к отходу от традиционной российской уголовно-правовой системы был сделан в ходе изменения функций прокурора в уголовном процессе. Реально это выразилось в том, что прокуратура в России утратила полномочия руководителя системы уголовного преследования. У прокурора были изъяты:

1) право на возбуждение уголовных дел; он только мог направить материалы в следственный орган для возбуждения дела, на практике следователи далеко не всегда принимают такое решение;

2) право на участие в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу;

3) прокурор также утратил право отменять незаконные и необоснованные постановления следователей, устранять следователей от ведения дела за допущенные нарушения закона.

Все, что теперь может прокурор — это обратиться к руководителю следственного органа, который и принимает процессуальное решение по существу прокурорского обращения. В итоге прокурор превратился в процессуальный казус, утративший в значительной степени реальное влияние на ход и результаты предварительного следствия по уголовному делу; по сути, в таких случаях прокурор выступает в роли «жалобщика» [10].

Можно согласиться с мнением Капинус О.С., что с созданием Следственного комитета от полномочий прокурора по надзору за ходом предварительного расследования ничего не осталось, а руководитель следственного органа стал процессуальным руководителем следствия, заменив прокурора в этой области [11].

Таким образом, сложилась ситуация, когда надзор за предварительным следствием осуществляют три субъекта: руководитель следственного органа; суд, рассматривающий жалобы на действия следователя; прокурор с усеченными надзорными полномочиями. Этот триумвират в принципе не обеспечивает должного уровня работы следственного аппарата, что отрицательно сказывается на отечественном правосудии в целом. Судебный контроль за следствием не может по эффективности сравниться с прокурорским надзором, поскольку суд может рассматривать жалобы на действия следователей только по заявлению участников процесса (а все ли хотят обострять отношения со следователем?), в то время как прокурор мог выявить нарушения при возбуждении и расследовании дел по собственной инициативе и принять меры прокурорского реагирования по их устранению.

Кризис в уголовном правосудии, вызванный проанализированными выше нормативными решениями, следует рассматривать как следствие отступления от целей и задач судебной реформы, нацеленной на развитие превентивного значения правосудия через обеспечения широкого народного представительства в судах, гласности и открытости судебной деятельности. Представляется, что в целях преодоления вышеупомянутого кризиса следует вернуться к оправдавшим себя многолетней практикой организационным и правовым институтам: прежде всего, следует возродить суд шэффенов (народных заседателей); «особый порядок» можно сохранить только для дел частного обвинения; прокурорский надзор за следствием следует восстановить в полном объеме. Такие решения позволят открыть путь к дальнейшему развитию судебной реформы в России.

¹¹ URL: <https://mornarius.livejournal.com/850331.html>.

Литература

1. Насонов С.А. Европейские модели производства в суде присяжных в Австрии (сравнительно-правовое исследование) // Юридические исследования. 2016. № 9. С. 41—52. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.9.19911.
2. Насонов С.А. Несогласие с обвинительным вердиктом присяжных заседателей: сравнительно-правовой и теоретический подходы // Право и политика. 2016. № 2. С. 248—253. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.2.17786.
3. Номоконов В.А., Попова Ю.Ю., Филиппов В.В. Теневое государство как криминогенный фактор // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 57—61.
4. Мациевский Н.С. Теневая Россия: истоки, сущность, причины, последствия. Томск : Красное знамя, 2015. 533 с.
5. Анохин М.Г., Воротников В.П. Теневизация российского общества как системное явление // Социология власти. 2003. № 4. С. 65—82.
6. Толкаченко А.А. Уголовно-правовые аспекты особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам // Уголовное судопроизводство. 2006. № 3. С. 26—32.
7. Рябинина Т.К. Особый порядок судебного разбирательства как одна из сокращенных форм уголовного судопроизводства // Российский судья. 2004. № 9. С. 20—23.
8. Федотова Д.В. Особый порядок судебного разбирательства как одна из форм упрощенного судопроизводства: сравнительная характеристика российского и зарубежного законодательства // Вестник Краснодарского университета МВД. 2013. № 3 (21). С. 32—37.
9. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. Издание третье, дополненное. М., 1950. С. 251—258.
10. Быков В.И. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 4. С. 49—53.
11. Капинус О.С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурор. 2013. № 2. (Текст статьи в некоммерческой интернет-версии СПС «КонсультантПлюс»).

Рецензент: *Николаева Юлия Валентиновна, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, г. Москва, Россия.*
E-mail: *uvarnike@rambler.ru*

